

НЕЧАЯННОЕ ЧУДО

В октябре в Храме Христа Спасителя и в Кремле состоятся концерты прославленного фольклорного коллектива России — Государственного Кубанского казачьего хора.

Отдельные песни В.Г. Захарченко — бессменного художественного руководителя хора, блестящего фольклориста, хормейстера и композитора — звучали в столице и раньше. Однако впервые Кубанский казачий хор дерзает предстать перед столичной аудиторией с программами, составленными только из произведений Захарченко. К московским концертам хора приурочен выпуск двойного компакт-диска с песнями Виктора Гавриловича.

Кто вы, доктор Захарченко?

Вопрос, как говорится, на запылку.

Думаю, ответить на него не в состоянии ни сам Виктор Гаврилович, ни любой из нас.

Ученый? Профессор, доктор искусствоведения, автор множества научных книг по этнической музыке, собиратель фольклора, уникальный знаток-специалист, владеющий самой современной методологией, дешифровавший тысячи и тысячи народных песен Кубани и Сибири.

Хормейстер? Артист, прошедший школу Владимира Минина, достигший вершин мастерства, требовательный и жесткий предводитель Кубанского казачьего хора, вот уже третье десятилетие находящегося в звездном отрыве от аналогичных

коллективов, исколесившего земной шар вдоль и поперек по несколько раз.

Композитор? Русский рапсод, чьи песни люди со слезами на глазах слушают стоя.

И все это равнозначительно, равновелико. Итак, ответа нет. От фантастики к факту — перед нами человек, живущий тремя жизнями.

От себя добавлю: это только те три жизни, которые на виду. Я же знаю и про четвертую, и про пятую. Знаю о напряженных духовных, этических исканиях Захарченко, об изучении им философии и теологии, о его глубочайших познаниях в области русской классической литературы, о его пламенной любви к симфонической музыке, о его преклонении перед искусством Бетховена, Шуберта, Чайковского, Прокофьева.

А в начале, там, в родной Дятьковской, был баян, политый слезами детского восторга. И была мечта. Никакая не “американская”, с зеленым отливом, а стопроцентно наша, русская.

Феникс?

Всю свою творческую жизнь, начиная со славного, чуть нами подзабытого сибирского десятилетия Виктор Захарченко сочиняет песни. Были и заметные удачи, например, “Хлеб — всему голова”, случались и полуудачи. Не забудем, то были советские годы — с неусыпным партийным надзором, диктатом, идеологическим прессингом. Но вопреки

всему песенный источник не иссякал.

В середине девяностых произошло страшное несчастье. Захарченко попал в аварию. Жизнь висела на волоске. Текли месяцы и месяцы сущего мученичества. Излечение шло тяжело. Другой на месте Захарченко давно, что называется, загнулся бы. Но Захарченко, как Феникс, восстает из пепла. Восстает преображенным, духовно просветленным, всем сердцем обращенным к Богу.

Свершилось чудо. Будто некая мистическая преграда пала — и хлынул мощнейший водопад, песенное наводнение, поток, сметающий все на своем пути. Песня рождается за песней. Ни одной неудачи! Шедевр за шедевром. Взрывные мелодии, потрясающие музыкальные идеи, быющее ключом вдохновение! И это происходит тогда, когда композиторское песенное творчество в Отечестве окончательно сдало позиции под натиском поп-культуры!

Нет, это не старая история про Дон Кихота. Другой случай, совсем новый.

Кажется даже, что вся предшествующая жизнь Виктора Захарченко была лишь подготовительной прелюдией к этому акту всеокушающего творчества. Но это было бы несправедливо — слишком уж хороша, красива прелюдия.

Песенная симфония

Виктор Захарченко не просто песни пишет. Он создает Песен-

ную симфонию ошеломляющей глубины.

Захарченко, отвергнув случайные песенные тексты, принимает к роднику русской поэтической традиции. Блок, Тютчев, Пушкин, Есенин, Цветаева, Лермонтов, Дельвиг, Некрасов, Рубцов, Алексей Толстой, Северянин сами по себе способны сообщить песне иные, многомерные параметры. Однако наш композитор — мудрый Нестор от фольклора — вовсе не собирается эксплуатировать классическую поэзию. Захарченко делает тонкий ход. Он отыскивает музыкальный ключ к русским поэтам не на путях чисто композиторской интерпретации текстов, но применяет к ним фольклорный метод освоения, помня, что стихи Полонского и Некрасова, Пушкина и Лермонтова частично уже распеты народом. Творчески используя этот опыт фольклора, композитор дает поэтам музыкальное толкование внеличное, вводит их в некий универсум народного сознания, растворяя их индивидуальное во всеобщем. С одной стороны, композитор “умирает” в поэте, а с другой, поэт рассеивается, оплодотворяя народное. Возникает симфоническая по своей сложности концепция.

Корни Песенной симфонии Виктора Захарченко питаются от глубин его личности, интеллекта, духовного опыта, богатство которых дает ему право обратиться напрямую к нации.

В своей Симфонии Захарченко, не пророчествуя и не влезая

на котурны, выступает как мощный интегратор национального духа. Он говорит с людьми на их языке, прямо, не хитря, используя четкие, афористически краткие формы высказывания — и одерживает впечатляющую художественную победу.

Только, пожалуй, однажды, в песнях на стихи своего недавнего современника Николая Рубцова, прорывается у Захарченко свое, обжигающе личное. Эту ноту сердечной боли за нынешний день русских людей — забыть нельзя. Это как голос от автора, вдруг раздавшийся посреди симфонии во внезапно наступившей тишине.

Другая боль Виктора Захарченко — потомственного черноморского казака, для которого неразделимы русское и украинское, — отрыв Украины от России. Может быть поэтому самое им выстраданное — песни на стихи Тараса Шевченко и Леси Украинки, песни, исторгающие слезы у русских и поднимающие на ноги тысячные аудитории на Украине. Кто как не простые люди России и Украины, в отличие от своих политиков, горюют о безумии и абсурде нашего отрыва?

Песенное творчество Виктора Захарченко — чудо нечаянное, явленное русским духом на рубеже XX и XXI веков.

Петр Бельй
(Сочи)

Рос. муз. газета. — 2004 г. 9 (сент.) — с. 7

Захарченко В. Г.
(Хормейстер! Хорач!)

(18.11.2004)
(сентябрь)